

Рылова Анна Евгеньевна

"РИМСКИЙ ТЕКСТ" Б. К. ЗАЙЦЕВА

В статье рассматриваются основные характеристики "римского текста" Б. Зайцева. Впервые применительно к творчеству этого автора "римский текст" прослеживается по всем опубликованным произведениям разных жанров. Цель исследования - выявить особенности авторского восприятия "вечного города", проследить эволюцию взглядов на Рим, охарактеризовать основные мотивы, связанные с образом Рима, в частности, мотив вечности. В результате "римский текст" Б. Зайцева предстает многогранным, в совокупности элементов, восходящих к традиции, и индивидуально авторских средств, образов, приемов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/38.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 138-143. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161

Филологические науки

В статье рассматриваются основные характеристики «римского текста» Б. Зайцева. Впервые применительно к творчеству этого автора «римский текст» прослеживается по всем опубликованным произведениям разных жанров. Цель исследования – выявить особенности авторского восприятия «вечного города», проследить эволюцию взглядов на Рим, охарактеризовать основные мотивы, связанные с образом Рима, в частности, мотив вечности. В результате «римский текст» Б. Зайцева предстает многогранным, в совокупности элементов, восходящих к традиции, и индивидуально авторских средств, образов, приемов.

Ключевые слова и фразы: римский текст; мотив; образ; композиция; контекст; метафора; символ.

Рылова Анна Евгеньевна, к. филол. н.

*Ивановский государственный университет (филиал) в г. Шуе
rylovaee@yandex.ru*

«РИМСКИЙ ТЕКСТ» Б. К. ЗАЙЦЕВА[©]

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (соглашение № 12-34-01240).

В «итальянский текст» культуры входят тексты отдельных локусов, и прежде всего – римский текст (термин предложен В. Н. Топоровым – прим. автора А. Р. [18]). В жизни и творчестве Б. К. Зайцева «римский текст» занимает значительное место.

Впервые в Риме Б. К. Зайцев побывал в молодости (об этом он вспоминает в очерке «Рим» книги «Италия»). В следующий раз в столице Италии он оказался с женой в 1904 году и пробыл там всего несколько дней. Писатель с женой дважды жили в Риме по нескольку месяцев: в 1908 году и в 1911-1912 гг. 1912 год Зайцевы встречали в Риме. Памяти об этом событии посвящен очерк «Рождество в Риме» книги «Италия».

В связи с началом Первой мировой войны и с последующими событиями в России Зайцевы смогли попасть в Италию лишь через десять лет, в 1923 году, уже в положении эмигрантов. О лекциях, которые в Риме читал Б. Зайцев, упоминается в очерке «Латинское небо».

Источником образного предощущения Рима в автобиографическом романе «Путешествие Глеба» является книга Феликса Дана «Битва за Рим», в которой описываются события VI века, связанные с завоеванием Италии остготами и, в частности, с осадой Рима 537-538 годов.

Б. Зайцев называет Рим самым трудным, «медленным» городом – на том основании, что его невозможно воспринять сразу. Поэтому в начале очерка «Рим» автор передает ощущение разочарования, которое охватывает путешественника, оказавшегося в Риме впервые. И вспоминает, как он сам был в Риме в юности и как город ему «не дался» [12, с. 476]. Он смог охватить какие-то частные моменты («Форум, Микеланджело, Палатин, катакомбы, Аппиева дорога» [Там же]), но не почувствовал целого. «Ощущать голос Рима, мерный зов его руин, его равнин» [Там же] автор начал лишь после того, как дважды пожил в итальянской столице.

В то же время цель очерка «Рим» – не представить целое, а передать то, что автор знает и любит. Свой рассказ Б. Зайцев строит как «путешествие по бессмертному» [Там же, с. 477] и проводит читателя по нескольким эпохам истории Рима – по Античности, Средневековью, Возрождению – к началу XX века.

В главе «У врат» автор вспоминает о своём первом пристанище в Риме – большой комнате на *Via Belsiana*. Свой образ жизни в Риме Б. Зайцев называет «жизнью благочестивых пилигримов» [Там же]. И не случайно он определяет Рим как «волшебный город» [Там же].

По свидетельству автора, вначале путешественники относятся к Риму «как к музею» [Там же, с. 478], поэтому им хочется «всё узнать, ничего не пропустить». Обычно такое настроение бывает римским утром. В главе «Утра в Риме» Б. Зайцев перечисляет не только достопримечательности Рима, которые посещает путешественник, но и различные средства передвижения: «Он ходит пешком, ездит в фиакре, на траме, как придётся, побеждая пространство, в ритме островозбуждённом» [Там же]. Но при этом он остаётся «чужестранцем», которому Рим «раскрывает свои богатства, величественно, но холодно» [Там же]. Автор приводит предполагаемую внутреннюю речь, которую Рим обращает к пришельцу, призывая его «изумиться и задуматься». В этой внутренней речи встречается то же нагромождение имён, событий, которые создали его образ: «Я, Рим, Сила, *Roma*, средоточие вселенной» [Там же].

Пройдя бесчисленные маршруты, просмотрев множество достопримечательностей, путешественник начинает чувствовать обаяние города, относиться к нему как к «симфонии, величественно-героической» [Там же]. И тогда Рим перестаёт быть музеем, а начинает восприниматься как нечто «живое единое» [Там же].

Вообще проблема восприятия Рима особенно волновала автора. Он приходит к выводу, что «Рим – не для молодости» [Там же, с. 513]. Его очарование может почувствовать лишь человек, «видевший уже жизнь, знающий её цену, знакомый с горем» [Там же]. Это утверждение из очерка «Рим», созданного в 1919 году, цитируется в дневниковой записи «Давнее. Путь-дорога» из книги «Дни», в которой автор, спустя шестьдесят лет после посещения Рима в 1904 году, размышляет об этом городе: «Так писал я через пятнадцать лет после первой с Римом встречи, и от слов своих не отказываюсь и теперь» [8, с. 416].

Но стоит лишь проникнуться духом Рима, и к этому городу человеку захочется возвращаться вновь и вновь, поскольку в нём чувствуется дыхание вечности. Мотив вечности в романе «Дальний край» назван великим мотивом, который звучит в римской ночи. Именно он помогает Ольге Александровне смириться со смертью Алёши: она поняла, что они обязательно встретятся [6, с. 516]. В очерке «+908» – Рим» (1962) из части «Италия» книги «Далёкое» автор пишет о том, что человек в Риме ощущает себя «серьёзнее, строже, отчасти грустнее, всегда на пороге Вечности» [5, с. 256]. В очерке «Латинское небо» части «Италия» из книги «Далёкое» мотив вечности представлен антиномично: «Рим изменился с тех пор, но на то он и Рим, чтобы, меняясь, оставаться вечным» [Там же, с. 270]. Одним из проявлений антиномии изменчивости и вечности является чувство, которое рождает Рим в человеке, что «всё проходит, и уже прошло, как века, пронёсшиеся над этой страной» [Там же, с. 556]. Как говорится в романе «Дальний край», от этого человек погружается в светлую меланхолию [6, с. 556].

В очерке «Рождество в Риме» Рим назван городом сивиллическим, вероятно, из-за своего особого отношения ко времени [13, с. 518]. Сивиллы жили вне времени: им были открыты и прошлое, и будущее. Рим тоже город, в котором течение времени является понятием относительным, поскольку он сопричастен вечности. Одной из сивилл Нового времени предстаёт Лаурана (героиня повести «Рафаэль»), которая незадолго до болезни Рафаэля прислала ему стихи, предрекающие его скорую кончину [15, с. 366].

Б. Зайцев по-особому представляет три эпохи Древнего Рима. Рим республиканский для него – «Рим ясный, неколебимый» [12, с. 479], он соотносится с Римским форумом, несмотря на то, что на форуме много памятников, связанных с Римом императорским.

В свою очередь, Рим императорский – это Рим «крепкий, суховатый, закалённый; Рим земледельческий, разумный, упорный, медленным трудом, победами и жертвами» [Там же, с. 481] возросший и ставший сложным организмом. Это Рим, в котором появилось классовое неравенство – рабы и вельможи, город, который испытал влияние Востока, Рим, достигший невиданной мощи и великолепия и пришедший к упадку. Цезари для этого Рима стали символом идолопоклонства. Они привнесли в Рим дух Азии, дух безумия. «Развалинами их бытия» назван Палатин.

Разные места в Риме автор воспринимает в соотношении со временем суток. Так, форум – это «дневное в Риме» [Там же, с. 479], Палатин – «вечернее, даже ночное» [Там же, с. 481], Капитолий – полдень Рима [Там же, с. 483], на террасе Монте Пинчио особенно яркое «образ римского вечера» [Там же, с. 488]. Предвечерний Рим описывается с холма Яникул [Там же, с. 491–492]. Вообще вечер назван «стихией Рима, задумчиво-загадочной» [Там же, с. 499]. Автор пишет: «Вечер Риму идёт» [Там же], поскольку «поглощает пестроту, шумность дня, выводит душу ночную; освобождает те великие меланхолии, которыми Рим полон» [Там же]. Сумерки кажутся наиболее подходящим временем для Колизея, форума Траяна, фонтана Треви.

В целом же, по мнению автора, Рим – это «город вечера», и поэтому «самые глубокие, самые острые в нём чувства – на закате» [Там же].

Б. Зайцев называет римское небо «особенным», поскольку в нём совмещаются «и бездна, и лазурное сияние, и прозрачность нечеловеческая» [Там же, с. 486].

Автор описывает виды Рима, открывающиеся с разных точек. От дворца Септимия Севера на Палатине за далёкими воротами Святого Себастиана просматривается «римская Кампанья со стадами, акведуками и плавной волною гор на горизонте» как «образ задумчивости» [Там же]. С высоты Испанской лестницы от церкви *Trinita dei Monti* виден купол собора Святого Петра, который «слегка мреет в белом воздухе» [Там же, с. 487]. С террасы над Пьяцца дель Пополо Рим открывается не в великолепии, а в «повседневности своей» [Там же, с. 488], и поэтому он кажется ближе, роднее. От памятника Гарибальди развёртывается «весь Рим с дворцами, храмами, руинами, садами» [Там же, с. 491] – во всей возможной полноте, именно потому это место, по мнению автора, наиболее подходит для памятника национальному герою, провозгласившему: «Рим или смерть». Рим в нежно-сиреневой дымке сумерек автор созерцает с огромной лоджии виллы Мадама. Парки виллы Боргезе, кипарисы на Палатине, купол Пантеона, золотой огонёк над мутными водами Тибра создают картину неяркого римского вечера. От мавзолея Цецилии Метеллы на Аппиевой дороге Рим выглядит похожим на Иерусалим: «Плоские крыши, невысокие дома, дальний купол, пустыня, обнимающая вокруг, горы...» [Там же, с. 509]. Главные моменты, роднящие эти два вечных города, – освящённость и древность: «Священное и древнее во всём этом» [Там же]. В повести «Рафаэль» Рим описывается таким, каким его видел Рафаэль ночью с виллы Фарнезина: «За Тибром простирался Рим – уже тонущая в весенних дымных сумерках громада садов, дворцов, развалин, храмов. Налево Сант-Анджело вздымался – зубчатыми башнями; прямо виделся купол Санта Мария Ротонда, а направо, над Форумом и Верлабром, синел уже туман, прорезываемый чёрными кипарисами» [15, с. 377].

По мнению Б. Зайцева, Рим увековечил своё имя: «Много слав у Рима» [12, с. 505]. Символом каждой сферы, в которой заметный след оставил Рим, является определённая достопримечательность. Так, Б. Зайцев пишет: «Форум, Капитолий – слава древней гражданственности. Ватикан – слава католическая в союзе с Ренессансом» [Там же]. Особо автор подчёркивает «славу первохристианства». Рим – город, где практически сразу после распятия и Воскресения Господа Иисуса Христа стали появляться христианские общины (одно из посланий апостола Павла обращено к римлянам); в Риме приняли мученическую кончину многие христиане, среди них – святые апостолы Пётр и Павел. «Следы времён Апостольских» [Там же] автор обнаруживает в базиликах, катакомбах и окрестностях Рима.

Б. Зайцев представляет обобщённое описание первохристианского храма: указывает на его тип – это базилика, на время создания – сразу после окончания гонений (начиная с IV века), на композицию – трёхнефный храм с двумя рядами колонн, на особый запах – пахнет кипарисом, ладаном, на украшение интерьера, в котором главное – мозаики, всегда расположенные в апсиде, иногда – над колоннами нефов. Так, например, за красоту мозаик капелла святого Зенона в храме Святой Пракседы получила от современников название «крайского сада». На мозаиках изображается Христос в виде Доброго Пастыря, вокруг Него – апостолы. В середине храма располагался колодец, в котором покоились кости мучеников (распространённый обычай христианства – строить храмы на мощах святых – отразился в практике включения частиц мощей мучеников в антиминс – плат, без которого совершение Литургии невозможно). В качестве примеров таких храмов Б. Зайцев называет храм Святой Пуденцианы (IV век н.э.), Святого Лаврентия (V век н.э.), Святой Агнессы, Святой Пракседы (автор датирует храм V веком, однако в современном виде базилика была построена лишь при папе Пасхалии I в IX веке н.э.).

По мнению автора, дух Рима можно ощутить, лишь прогулявшись по его окрестностям. При этом важны как географические пункты: Аппиева дорога, небольшие городки (Тиволи, Монте-Компотри), горы Альбано, достопримечательности (вилла Адриана), источники (*Aque albule* – серный целебный источник в Тиволи), – так и сама атмосфера римской кампании: лазурное безбрежное небо, океаны голубого воздуха, акведуки, пение жаворонков, древняя почва, стада овец и пастухи, их пасущие. Именно взгляд из этого средоточия земель вокруг Рима, по мнению автора, и породил характерное для римлян убеждение, что их город находится в центре Вселенной. И эти же окрестности, создающие ощущение пустыни вокруг Рима – оживлённой столицы, своей древностью напоминающие равнины Палестины и придающие всему городу библейский колорит, стали причиной того, что Рим воспринимается как Вечный город: «Вечность дышит вокруг Рима немymi небесами, бессловесными стадами, всегдашней песнью жаворонка в голубоватых даях» [Там же, с. 511].

Б. Зайцев чувствует в характере Рима присутствие «музыкального сопровождения». В буквальном смысле – это плеск многочисленных римских фонтанов, и сам Рим в очерке «С.-Жермен де Фли» из «Дневника писателя» автор называет «многофонтанным» [7, с. 362], а в очерке «Рим» из книги «Италия» – «городом фонтанов»: «Музыка вод есть музыка меланхолий Рима, возводящая к беспредельности» [12, с. 513], а в переносном смысле музыкальным сопровождением Рима автор считает «сознание великих дел, великих чувств, страстей, молений, преступлений, откровений, пролетевших и – истаявших» [Там же]. Музыкальным сопровождением Рима автор называет и «кайму гор на горизонте» (он упоминает Сабинские горы, горы Альбано).

В предполагаемой прямой речи города, обращённой к тем, кто хочет его постичь, Б. Зайцев кратко перечисляет все основные этапы римской истории: от Ромула через три периода Древнего Рима (царский, республиканский, императорский), падение империи и разрушение города к возрождению в эпоху Ренессанса и далее – в Вечность: «Я, древний, важный, всё выдавший, испытавший, бесконечный Рим» [Там же, с. 512].

Автор говорит об особой любви, которую вызывает этот город. Поскольку Рим – это «воин, мужчина», то и в любви к нему «нет той светлой нежности, воздушности, очарования зажигающего, как в чувстве к Флоренции» [10, с. 512].

Своей особой, духовной родиной ощущает Рим герой романа «Золотой узор» Георгиевский. Вообще понятие духовной родины было близко Б. Зайцеву: своей духовной родиной он считает Флоренцию. Георгиевский конкретизирует, что ему в Риме ближе время конца Республики – начала новой эры, империи. И вовсе не потому, что жизнь тогда была легка. Герои римской истории, Цицерон и Сенека, близкие ему, чувствовали эту горечь жизни, и им оставалось «философствовать о смерти... и самоубийстве. Да не только философствовать» [11, с. 63]. Цицерону пришлось отправиться в изгнание, его имущество было конфисковано, а дома сожжены. По приказу Марка Антония Цицерон был убит, причём перед смертью он проявил незаурядное мужество. Увидев, что убийцы приближаются, он приказал слугам поставить паланкин на землю и сам подставил голову под меч центуриона. Сенека же, воспитатель Нерона, был вынужден покончить с собой по приказу императора.

Грядущие катастрофы (мировую войну, революцию в России) Георгиевский предощущал и метафорически называл «падением Рима». Наталья ему не верила: «Что там Георгий Александрович распространялся о каких-то кризисах, падении Рима? Падение! Рим всё стоит...» [Там же, с. 65]. Будущее показало, что Рим и остался незыблем, по предсказанию Георгиевского: «А Рим лежит, молчит. Он видел столько возвышений и падений, столько власти и безвластия, завоеваний, роскоши, позора, преступлений и триумфов – ныне на его глазах вновь погружается Европа в дикую борьбу, а Ватикан и Форум, Пантеон с такою же седою важностью станут взирать на бесконечное безумие» [Там же, с. 81]. И именно в этот город возвращается героиня в конце романа после пережитых потрясений. Она приходит к невероятному выводу: «Всё такой же Рим!». А память об оставленной России, о могилах сына и отца заставляет любить его ещё глубже, сильнее: «...ещё мучительно-пронзительней люблю блеск солнца на мостовых Рима, плеск его фонтанов, голубые океаны воздуха, сверканье ласточкиного крыла и легендарную полоску моря» [Там же, с. 198].

В Риме происходит всё действие повести «Рафаэль» (1919). В начале произведения Рафаэль въезжает в Рим, возвращаясь с раскопок в кампание, в конце, после смерти учителя, его ученик Дезидерио уезжает на родину, в Урбино, и прощается и с учителем, и с городом: «Прощай, Учитель! Прощай, Рим!». Размышляя в своём дневнике о причинах смерти Рафаэля, Дезидерио приводит мнение некоторых, что «сам Рим, древний, ветхий Рим, который он беспокоил раскопками, отомстил ему, послав смертельную лихорадку» [15, с. 387]. Версия смерти художника от лихорадки подтверждается и новейшими исследованиями.

Маршрут, по которому в начале повести едет Рафаэль, описан Б. Зайцевым так детально, что его можно проследить по карте. Герой движется с раскопок по Ардеатинской дороге, ведущей на юг от Рима в город

Ардеа, расположенный в тридцати пяти километрах от столицы. Ардеатинская дорога соединяется с Аппиевой дорогой у часовни *Domine quo vadis*. По Аппиевой дороге он едет к воротам Сан-Себастиано в стенах Аврелиана, пересекая ручей Альмоне, который у Б. Зайцева часто упоминается при описании Аппиевой дороги. Рафаэль осматривает стены Аврелиана вблизи ворот, ищет среди кладки замурованные антики: обломки статуй, стволы колонн. Далее он проезжает через ворота Сан-Себастиано мимо стражей и направляется к *Porta Capena* – воротам в Сервиевой стене (до наших дней не сохранились). Пересекает *Piazzale Numa Pompilio*, проезжает по *Viale d. Terme di Caracalle* мимо базилики Святых Нерее и Ахиллея, при этом термы Каракаллы остаются слева от него, «вырезываясь на небе с красными ключьями облаков страшной громадой». По *Via dei Cerchi* огибает Палатин, выезжает к церкви Санта-Мария ин Космедин. Через Тибр Рафаэль перебирается «древним мостом у острова» – то есть по *Ponte Rotto*, или, как он тогда назывался, *Ponte Emillio*. Этот мост является самым старым каменным мостом в Риме, он был построен в I веке н.э. на месте предыдущего деревянного моста. Мост функционировал до 1598 года, пока во время наводнения его восточная часть не рухнула. Ещё один пролёт наводнение несло в 1880 году. В настоящее время от моста осталась одна центральная часть. По закоулкам района Трастевере, в котором Рафаэль оказался, он поднимается в гору до дома своей возлюбленной. На рассвете художник отправляется домой. Он видит Венеру, засеребрившуюся над замком Святого Ангела (Сант-Анджело): замок находится к востоку от Трастевере. Вернуться Рафаэлю нужно было в район Борго, для этого он ехал Яникулом по набережной вдоль Тибра («Тибр кофейно-мутен, лётся, лётся – печалю, радуя») [Там же, с. 365-368].

Размышления о судьбе Рима, о его будущем являются одной из тем житийной повести «Алексий Божий человек». В ней мысли о Риме имеют полемическую направленность. С одной стороны, в своих речах грек-философ Аристид Хариакис громит Рим, называет его «мерзейшим городом» [3, с. 227], старым, развращённым, который «натасчил себе богатств со всего света, сел на них, икает, пьянствует и думает: я лучше других» [Там же]. По его мнению, пророчество о городе Вавилоне из Апокалипсиса относится именно к Риму. В Откровении Иоанна Богослова говорится о падении Вавилона и об уничтожении его в огне. Образ вавилонской блудницы, представляющей собой Вавилон, перекликается с образом Рима, созданным Хариакисом (сопоставление Рима с вавилонской блудницей обосновано, в частности, тем, что в итальянском языке само слово *Roma* женского рода): «...увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами. И жена облечена была в порфиру и багряницу, украшена золотом, драгоценными камнями и жемчугом, и держала золотую чашу в руке своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодейства её; и на челе её написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным» (Откр. 17:3-6). Такое сопоставление Рима и Вавилона из Апокалипсиса неоднократно проводилось во времена, предшествующие годам жизни преподобного Алексия, – об этом писали: во II веке – святитель Ириней Лионский, в начале III века – священномученик Ипполит Римский, в IV веке, как раз в то время, когда жил преподобный Алексий, – святитель Кирилл Иерусалимский и, примерно в это же время, святитель Иоанн Златоуст. О пророчестве вспоминает и отец преподобного Алексия – Евфимий: «И надо признать, что в откровении апостола Иоанна есть кое-что» [Там же, с. 240]. Но, по его мнению, при том, что «Рим не агнец», его нельзя и однозначно осуждать. «Распушенность, богатство и жестокость», за которые привыкли критиковать Рим, часто бывают преувеличены: «...души, склонные к восторженности, раздувают...» [Там же]. Преподобный Алексий внешне стоит в стороне от этих споров: он не соглашается с Хариакисом, но и не спорит с ним. Перед его внутренним взором Рим предстаёт городом сложным и противоречивым: характеристика Рима, данная в форме внутренней речи преподобного Алексия, построена на рядах антитез: «Вот – город цезарей, апостолов, ристалищ, катакомб, безумия и святости <...> Великий, но и страшный Рим» [Там же, с. 237]. Но при этом преподобный Алексий с юных лет молится за Рим: вечерние молитвы он заканчивал «молитвой о Риме, о своём народе» [Там же, с. 229]. Признанием действительности молитв святого за город стал таинственный голос, который услышали молящиеся в храме Святой Пуденцианы: он призывал их искать человека Божия и просить его, чтобы он молился за Рим.

В романе-биографии «Жизнь Тургенева» Б. Зайцев рассуждает о том, какую роль Рим сыграл в духовном развитии писателя. Первый раз И. С. Тургенев попал в Рим в 1840 году. Тогда он жил «милой, светлой жизнью итальянского паломника» под руководством Н. В. Станкевича. В Риме он проникнулся «духом Станкевича – духом поэзии и правды» [9, с. 42].

По мнению Б. Зайцева, в сфере художественной культуры Рим создал меньше, чем Флоренция («Рим не художник»). Но при этом Рим способен активизировать в человеке творческое начало. Так, в 1840 году Тургенев ощутил, что Рим «располагает к меланхолии, но прозрачной, творческой» [Там же]. Семнадцать лет спустя, в 1857 году, именно в Риме складывается замысел романа «Дворянское гнездо». Это произведение Тургенева особенно близко Б. Зайцеву, потому что в нём открывается «путь религии», который Тургенев сумел почувствовать и выразить в «тишайшем и христианнейшем образе Лизы» [Там же, с. 103]. Концентрации творческих сил в Риме способствует, во-первых, сама атмосфера города: «Все синее небо, вся роскошь Испанской лестницы с красноватыми башнями *Trinita dei Monti*, величие Ватикана, задумчивость базилик, тишина Кампаньи, фонтаны, Сивиллы, таинственная прахообразность земли – всё говорило об одном, в одном растворяло сердце» [Там же]. А во-вторых, особой роли в создании творческого настроения способствует близость Рима к вечности. Это Тургенев ощутил ещё в первый приезд в 1840 году и выразил антиномично: «В Риме человек чувствует и свою бренность, и свою вечность» [Там же, с. 42]. В 1857 году Тургенев почувствовал, что в Риме «Вечность входила в него, меняла, лечила» [Там же, с. 103]. Возможно, эта близость к Вечности и помогла писателю, не склонному к религиозности, «прийти с любимой героиней» путь религии.

Способность Рима располагать к творчеству отмечается и в другом романе-биографии — «Жуковский». В нём описывается встреча В. А. Жуковского с Н. В. Гоголем в Риме в январе 1839 года. Этот месяц стал для обоих «месяцем восторга перед Римом» [10, с. 308]. Лучшие виды Рима они зарисовывали. Помимо того, что в Риме сконцентрировано множество шедевров архитектуры, скульптуры, живописи, он сам по себе становится произведением искусства. Б. Зайцев приводит слова Н. В. Гоголя из письма А. С. Данилевскому от 5 февраля 1839 года, где проявляется отношение писателя к городу как к книге, которую можно читать и перечитывать, открывая что-то новое: «Рим, прекрасный Рим! Я начинаю вновь чтение Рима, и Боже! Сколько нового для меня... Это чтение имеет теперь двойное наслаждение, оттого, что у меня теперь прекрасный товарищ» [Там же, с. 309].

Способность Рима исцелять душу отражается в пьесе «Верность» (1909). Чтобы отвлечь Диалектова от его склонности к безжизненным теориям, учениям, книгам, пробудить его душу, Лялин средствами образной выразительности передаёт атмосферу на Римском форуме. Стремление Лялина помочь собеседнику прикоснуться к атмосфере форума, привлечь его внимание проявляется в предложениях с функцией обращения: «Вот видите», в использовании формы сказуемого второго лица множественного числа с обобщённо-личным значением: «Вы сидите и слушаете», обобщённо-личных предложений: «Когда сидишь на Форуме...», побудительных предложений: «Главное не забудьте...», восклицательных предложений: «...как это идёт к Риму!». Чтобы картина лучше запоминалась, Лялин активно использует образные средства: эпитеты, по преимуществу — с цветовым значением (*сизо-фиолетовый сумрак, золотые фонарики, розоватые облака, туманный месячный свет, могучие лавры*), метафоры (*дышишь светлым сном мрамора, облака — огненные победы, прозрачный мрамор*), метонимии (*таинственные Диоскуры*) [4, с. 158]. Рим для Лялина — действительно лекарство, все возможности которого он использует в слове — недаром же он писатель.

В конце пьесы, когда Константин Иванович попадает в неразрешимую ситуацию, Лялин предлагает ему выход: оставить всё и уехать в Рим. Описание форума представляет собой перефразирование тех же высказываний о форуме, которые Лялин говорил Диалектову: «Пойдём с нами на форум, сядем вечером на «белый камень», сны вокруг нас будут, мраморы. Птицы промчатся стайкой, заря запылает... Там, за Капитолием. Цезарева лавра прошумят» [Там же, с. 167].

Воспоминания о Риме — это не только лекарство, но и то, что может помочь, поддержать в минуту скорби. Встречая новый 1917 год, предчувствуя катастрофу, герои романа «Золотой узор» пьют за Рим: «За Рим, за Пинчю, за красоту нашу... последних римлян» [11, с. 113]. Рим — это и то гармоничное, что противопоставляется надвигающемуся хаосу. Проходя по разорённой Москве, автор видит в бассейне старинном, где «журчит вода, и мох, и плесень», сходство с родником Ютурны, а в присутствии кошек на руинах — с форумом Траяна.

В очерке «Латинское небо» из части «Италия» книги «Далёкое» Б. Зайцев вспоминает об особенном событии в своей жизни: как итальянский учёный Ло Гатто пригласил русских писателей, философов, учёных, оказавшихся в эмиграции, читать лекции по русской культуре в Риме, в Институте Восточной Европы. Для итальянских слушателей русские эмигранты были «пришельцами из загадочной страны», а их жизнь в первые годы после революции воспринималась «как быт осады Рима при Велитарии» [5, с. 263] (прозрачная параллель: Велитарий, полководец Восточной Римской империи, отбивался от остготов; русским людям после революции пришлось пережить нашествие иных варваров).

Так «римский текст» Б. Зайцева, опираясь на традиционные образы и мотивы (например, представление о Риме как о «вечном городе») предстает индивидуально-авторским, вбирая в себя и элементы автобиографии, и особенности образного строя, характерного для автора.

Список литературы

1. Владимирова Т. Л. Римский текст в творчестве Н. В. Гоголя: автореф. дисс. ... к. филол. н. Томск, 2006. 48 с.
2. Гребнева М. П. Концептосфера флорентийского мифа в русской словесности. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 182 с.
3. Зайцев Б. К. Алексей человек Божий // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2000. Т. 7 (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. 528 с.
4. Зайцев Б. К. Верность // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2000. Т. 8 (доп.). Усадьба Ланиных: Рассказы. Пьесы. Переводы. 512 с.
5. Зайцев Б. К. Далёкое («Италия») // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 6. Мои современники: Воспоминания. Портреты. Мемуарные повести. 558 с.
6. Зайцев Б. К. Дальний край // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 1. Тихие зори: Рассказы. Повести. Роман. 608 с.
7. Зайцев Б. К. Дневник писателя («С.-Жермен де Фли») // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2000. Т. 7 (доп.). Святая Русь: Избранная духовная проза. Книги странствий. Повести и рассказы. Дневник писателя. 528 с.
8. Зайцев Б. К. Дни («Давнее. Путь-дорога») // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 2000. Т. 9 (доп.). Дни. Мемуарные очерки. Статьи. Заметки. Рецензии. 560 с.
9. Зайцев Б. К. Жизнь Тургенева // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 5. Жизнь Тургенева: Романы-биографии. Литературные очерки. 544 с.
10. Зайцев Б. К. Жуковский // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 5. Жизнь Тургенева: Романы-биографии. Литературные очерки. 544 с.
11. Зайцев Б. К. Золотой узор // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 3. Звезда над Булонью: Романы. Повести. Рассказы. Книга странствия. 576 с.
12. Зайцев Б. К. Италия (очерк «Рим») // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 3. Звезда над Булонью: Романы. Повести. Рассказы. Книга странствия. 576 с.

13. **Зайцев Б. К.** Италия (очерк «Рождество в Риме») // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 3. Звезда над Булонью: Романы. Повести. Рассказы. Книга странствия. 576 с.
14. **Зайцев Б. К.** Путешествие Глеба // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 4. Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. 624 с.
15. **Зайцев Б. К.** Рафаэль // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 2. Улица Святого Николая: Повести. Рассказы. 544 с.
16. **Зайцев Б. К.** Уединение // Зайцев Б. К. Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Русская книга, 1999. Т. 2. Улица Святого Николая: Повести. Рассказы. 544 с.
17. **Меднис Н. Е.** Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. 170 с.
18. **Топоров В. Н.** Вергилианская тема Рима // Исследования по структуре текста. М.: Наука, 1987. 302 с.

“ROMAN TEXT” OF B. K. ZAITSEV

Rylova Anna Evgen'evna, Ph. D. in Philology
Ivanovo State University (Branch) in Shuya
rylovaae@yandex.ru

The article considers the main characteristics of the “Roman text” of B. Zaitsev. For the first time in relation to the creative work of the author the “Roman text” is traced in all the published works of different genres. The purpose of the research is to reveal the features of the author’s perception of the “eternal city”, to trace the evolution of the views on Rome, and to describe the main motives associated with the image of Rome, in particular, the motive of eternity. As a result, the “Roman text” of B. Zaitsev is presented as multi-faceted, as a set of elements that go back to tradition, and individual author’s means, images, techniques.

Key words and phrases: the Roman text; motive; image; composition; context; metaphor; symbol.

УДК 377.5

Педагогические науки

В статье рассматриваются понятие «стандарт», его применение в области делового письма; предлагается использовать метод анализа языковых стандартов в процессе интегрированного обучения деловому письму на русском и иностранном языках, который способствует оптимизации процесса обучения за счет системного восприятия материала, развития исследовательских способностей студентов и дальнейшего применения полученных навыков при продуцировании новых текстов.

Ключевые слова и фразы: языковые стандарты; письменная деловая коммуникация; речевые штампы и клише; формы организации текста и устойчивые речевые единицы; анализ стандартов; интегрированное обучение.

Савина Анна Анатольевна

Российский государственный университет правосудия (филиал) в г. Нижнем Новгороде
rapfno@yandex.ru

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ КАК МЕТОД ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ДЕЛОВОМУ ПИСЬМУ[©]

Возрастающие потребности общества в высококвалифицированных, грамотных специалистах в области правовой защиты граждан, организационного и информационного обеспечения деятельности государственных учреждений обусловили необходимость повышения качества подготовки студентов. Владение языковыми и речевыми компетенциями в родном и иностранном языках – одно из обязательных требований к выпускникам как высшего, так и среднего профессионального учебного заведения.

Принимая во внимание тот факт, что документная лингвистика является достаточно молодой сферой изучения в отечественной науке, в отдельных вопросах необходимо учитывать накопленный опыт зарубежных специалистов. Так, в практике преподавания языков не всегда было положительное отношение к использованию стандартных, шаблонных структур, с другой стороны, в условиях большого потока информации в современном мире просто невозможно обойтись без унификации языка. В этой связи необходимо осознавать тот факт, что применение стандартов оправданно в отдельных языковых жанрах (деловой, научный стиль), когда на передний план выдвигаются такие требования как ясность и лаконичность сообщения.

Понятие «стандарт» в словаре С. И. Ожегова определяется следующим образом: «Типовой вид, образец, которому должно удовлетворять изделие по своим признакам, свойствам, качествам» [8, с. 748].

В «Большом юридическом словаре» под стандартом понимается «эталон, образец, с которым сравнивают любые другие объекты» [2, с. 709]. В пособии С. П. Кушнерука поясняется, что стандарт – это «официальный документ, инструмент нормирования, определяющий качественные и/или количественные параметры объектов, на которые действия стандарта распространяются; документ, устанавливающий устойчивую систему требований в отношении стандартизируемого объекта» [7].